

16+

А.С. Стрекалов

Моя Богиня

Часть первая

Александр Стрекалов
Моя Богиня. Часть первая

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Стрекалов А. С.

Моя Богиня. Часть первая / А. С. Стрекалов — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-04796-9

Роман-исповедь, роман-предостережение, роман-напутствие. Повествует о жизни и судьбе человека, историка по профессии, в молодые годы вдруг повстречавшего свою большую любовь, единственную и неповторимую, огромную как небо над головой и такую же точно чистую, которая потрясла, очаровала и околдовала его настолько, что он безропотно и фанатично, и с радостью превеликой посвятил любимой женщине жизнь. Всю - без остатка... Чем всё это в итоге закончилось? - читатель узнает, дочитав роман до конца. Он будет правдив и искренен от первого и до последнего слова... На обложке - фото автора.

ISBN 978-5-532-04796-9

© Стрекалов А. С., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Глава 1	6
1	6
2	8
3	9
4	10
5	11
6	12
7	13
8	15
9	16
10	17
11	18
12	19
13	20
14	22
15	23
16	24
17	25
18	26
19	28
Глава 2	29
1	29
2	31
3	32
4	33
5	34
6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Стрекалов Моя Богиня. Часть первая

*«Страницу и огонь, зерно и жернова,
секиры острый и усечённый волос -
Бог сохраняет всё; особенно – слова
прощенья и любви, как собственный Свой Голос».*

И.Бродский

*«Имя где для тебя?
Не сильно смертных искусство
Выразить прелесть твою!
Лиры нет для тебя!...*

*Что песни? Отзыв неверный
Поздней молвы о тебе!
Ели б сердце могло быть
Им слышно, каждое чувство
Было бы гимном тебе!»*

В.А.Жуковский

«Видно было, как всё извлечённое из внешнего мира художник заключил сперва себе в душу и уже оттуда, из душевного родника, устремил его одной согласной, торжественной песнью... картина, между тем, ежеминутно казалась выше и выше; светлей и чудесней отделялась от всего и вся превратилась наконец в один миг, плод налетевшей с небес на художника мысли, миг, к которому вся жизнь человеческая есть одно только приготовление».

Н.В.Гоголь «Портрет»

Глава 1

1

Весенняя, четвёртая по счёту сессия подходила к концу. Оставалось сдать всего два экзамена.

Студент-историк Максим Кремнёв, второкурсник Московского государственного Университета, уютно расположившийся за столом одной из комнат-читалок на первом этаже третьего корпуса ФДСа (Филиал Дома студентов МГУ), собирал последние силы в кулак, чтобы закончить учебный год достойно. Со стипендией – понимай, в советское время немаленькой. И потом, получив в *зачётку* печать об успешной сдаче положенных по программе предметов, простившись с инспектором курса, товарищами по группе и по общежитию, уже в ранге третькурсника спокойно уехать в стройотряд в первых числах июля. Уехать – и забыть там, на стройке, про душную, изнывающую от летнего пекла и зноя Москву, про утомительную учёбу, экзамены и ФДС, порядком уже надоевший; хорошо отдохнуть на природе в смоленской чудной глуши, развеяться и размяться с лопатой и топором в руках, помочь крестьянам по мере сил, денег подзаработать. Именно так он провёл летние студенческие каникулы в прошлом году – и не прогадал, не разочаровался в выборе. Так же точно спланировал сделать и в этом.

Далее надо сказать, в качестве поясняющего вступления, что весенняя зачётно-экзаменационная сессия традиционно была самой тяжкой и самой утомительной для студентов, на лихорадку больше похожей, на изнурительное самоистязание. Кто когда-то прошёл через университетскую пятилетнюю нервотрёпку – тот хорошо это знает, помнит и подтвердит, насколько горек и солон он, “хлеб студенческий”. Учебный год на первых двух общеобразовательных курсах и сам по себе был сложен и энергозатратен – отнимал уйму времени и сил у каждого, выжимал парней и девчат по-максимуму, от души, и одновременно приучал к кропотливой научной работе. Да ещё и преподаватели с ними, зелёными, пока что не церемонились, не щадили, не давали спуска и послаблений – за любую провинность и недочёт наказывали и отчисляли легко, без зазрения и угрызения совести.

Не удивительно, что в июне-месяце, итоговом в учебном годовом графике всех вузов страны, молодым студентам приходилось изыскивать последние энергетические и умственные запасы, “скрести по доньшку” что называется, “по сусекам”. Чтобы, собрав резервы из “закровов”, быть в форме перед экзаменаторами, в тонусе, быть молодцами – бодрыми, памятьливыми и трудоспособными. И, как следствие, пройти экзаменационные рифы без лишних проблем и потерь – не сломаться и “не упасть”, не оставить “хвостов” на осень. Что было делом крайне пренеприятным и очень и очень болезненным для всякого споткнувшегося студента, грозившим испортить заслуженный летний отдых потерей 40-рублёвой стипендии, на которую многие тогда дней 20-ть безбедно жили, это во-первых; а, во-вторых, к сентябрьским переэкзаменовкам надо было бы всё лето упорно готовиться, вместо того, чтобы отдыхать, а потом ещё и за преподавателями хвостом в сентябре бегать, упрашивать экзамен принять, когда другие уже дальше учиться начнут, которых потом догонять надо будет.

Но и это было лишь полбеда, или даже четверть. Ибо к неприятностям финансовым, умственным и психологическим, которые в целом переживались студентами с родительской помощью, легко могли бы прибавиться и настоящие беды, нешуточные и судьбоносные, в виде нависавшего над парнями-двоечниками отчисления из Университета и последующего осеннего призыва в Армию на действительную военную службу. Вот уж была бы беда так беда вселенского масштаба, по-настоящему страшившая всех! Делать этого, как легко догадаться, никому из парней-историков не хотелось, как, впрочем, и всем остальным студентам, – казён-

ную солдатскую форму с большим опозданием надевать и два года потом болтаться в шумных бараках-казармах с неучами-балбесами вперемешку где-нибудь в Средней Азии или в Закавказье, превращаться там в этаких “белых ворон”, в изгоев, в недотёп-неудачников – лакеев хамоватых прапорщиков и офицеров, и стариков-сержантов.

Положение с моральным и физическим состоянием усугублялось ещё и тем, что за окном бушевал красавец-июнь всеми своими цветами и красками, страстями, запахами, прелестями и пороками, тревожа и испытывая молодые сердца, от дела сильно отвлекая их, от конспектов и учебников; а кипящее солнце на небе светило и буянило так дерзко, мощно и вызывающе всеми своими протуберанцами, накаляя окружающую атмосферу до невозможности, что в читалке было не продохнуть от духоты и жары: сладкая дрёма на экзаменуемых раз за разом могучей волной накатывала, с которой справляться уже не хватало сил. Им бы всем завалиться где-нибудь на припёке в зелени пахучей травы и позагорать, расслабиться и понежиться, на время отключить мозги, подремать в тишине и праздности, вольной жизни порадоваться, певунов-соловьёв послушать; ну и душистого кваса и пива вволю попить, поесть мороженого. А не изводить себя чтением нудных учёных книг, которых у каждого на столе было немерено и которые здоровья не прибавляли, ясное дело, тело не наливали соком; наоборот, всех художными делали, квёлыми, слабыми и нежизнеспособными.

А тут ещё и детишки местные, жители окрестных домов, под окнами *фэдээсовских* корпусов, что в начале Ломоносовского проспекта располагались рядами по соседству с кинотеатром “Литва” и гостиницей “Университетская”, – так вот детишки целыми днями без-прерывно баловались и шумели, поганцы. Стучали ногами, мячами и палками о стены и цоколь студенческих пятиэтажек, ругались, гоготали и спорили, в окна общаг озорно заглядывали, строили рожицы всем подряд, а то и вовсе непристойные жесты показывали, кричали матерные слова – не давали сосредоточиться и на материал настроиться, одним словом, дело с экзаменами до конца довести. Студентам было и грустно, и завидно глядеть на них, таких без-печных и без-заботных, и абсолютно свободных, главное. По этой причине студенты, к читалкам как клеём приклеенные, к учёбе, к сессиям без-конечным, считали себя чуть ли ни проклятыми каторжанами, несчастными, лишёнными молодости людьми!...

2

Предельно-измотанный и исхудавший герой наш, Максим Кремнёв, уже минут пять как сидел и смотрел в окно, со всех сторон обложенный толстенными и премудрыми учебниками и конспектами, притрагиваться к которым ему не хотелось жутко, про которые поскорее хотелось забыть... А там, за окном, хулиганистые сорванцы устроили очередную шумную разборку из-за ненароком спущенного кем-то мяча. Максим и смотрел, и ждал, чем та их ругань и возня закончится. Интересно было узнать: дойдёт у них дело до драки, до мордобоя? – квинтэссенции любых ссор и детских разборок...

И в этот-то как раз момент дверь в читалку распахнулась с шумом и внутрь зашли две девушки, по-домашнему просто одетые, которых Максим не знал, никогда не видел прежде... Это ему показалось странным, прожившему в третьем корпусе уже два учебных года и визуально знавшему практически всех жильцов, иногородних студентов истфака, всех хотя бы раз видевшему на улице или в столовой, в коридорах общаги или самого Университета, в читалке той же. А этих двух – нет. Странно!

Правда, когда он, сидевший у одного из центральных окон, повернул голову налево, на вход, то успел хорошо рассмотреть лишь профиль вошедших, а потом и спины, когда обе направились скорым шагом к первому столу у торцевой стены. Но даже и в этом случае он бы вошедших узнал, повстречай он их где-то раньше: зрительная память у него была отменная, это признавали все...

Со спины рассматривая незнакомок мутными от усталости и жары глазами, он лениво отметил для себя, что одна была высокой, крупной и статной; что голову её украшали густые тёмные волосы, на затылке умело стянутые в тугую тяжёлую косу, доходившую почти до пояса. Другая была поменьше и похудей, но такая же стройная и фигуристая; была блондинкой, с коротко стриженными волосами. Вот и всё.

От скуки и от усталости, чтобы подольше растянуть перерыв, Максим принялся наблюдать уже за вошедшими, на них переключил внимание с уличных сорванцов, при этом стараясь понять, кто они – случайные гости или студентки истфака. К ним в корпус, надо сказать, много всегда приходило гостей – и с целью, и без цели: чтобы убить время, амурные дела покрутить, пашни и шуры-муры всякие. Обычное дело для молодёжи – пару себе искать. Тем более – в общаге, где всегда было весело и многолюдно как в том же муравейнике; где дискотеки и танцы следовали нескончаемым потоком в учебное время, привлекая гостей-москвичей, и имелись свободные, на крайний случай, комнаты и койки. Общага для молодых людей – рай, или же злачное место...

3

Наблюдая за девушками лениво, Максим видел, как они обе, остановившись у первого стола, облепили с двух сторон сидевшую там студентку и начали с ней энергично о чём-то шушукаться, от занятий её и всех остальных отвлекать. Шушукались они одни; причём – одновременно и на повышенных тонах, нарушая установившуюся тишину; поэтому сразу же привлекли к себе внимание всего зала, всех, кто сидел тут. Студенты подняли головы как по команде и, вторя Кремнёву, принялись за вошедшими наблюдать. Кто-то с улыбкой и симпатией, а кто-то – и раздражённо: в читальных залах не принято было шуметь.

Пару-тройку минут пошушукались меж собой девушки, посплетничали, вопросы какие-то жарко пообсуждали. После чего вошедшая в зал блондинка нагнулась и что-то сказала подругам такое, особенное и чрезвычайное, отчего троица вдруг дружно и громко захохотала на весь зал, чем заставила большинство присутствующих недовольно поморщиться и напрячься. А “старики”-третьекурсники и вовсе уже открыли было синхронно рты, чтобы сделать замечание и осадить хохотушек, сказать, чтобы те не забывали, где находятся, и всё такое.

Замечаний делать, однако ж, нарушительницам не пришлось: вошедшие и сами поняли, что прегресли перед товарищами и поспешили быстро ретироваться, покинуть растревоженное помещение, мгновенно оцетинившееся против них десятками колючих глаз. И первой, низко нагнув голову и покраснев, побежала к выходу виновница шума блондинка, лицо прикрывая ладошкой на бегу – от стыда, смущения и волнения. А за ней следом пошла к дверям и подруга её крупнотелая и высокая, с могучей косой за спиной, именно пошла – не побежала, даже и не ускорила шага. Хотя со стороны было видно и невооружённым глазом, что даётся ей это её спокойствие нелегко, что и она была крайне смущена всеобщим переполохом и повышенным к себе вниманием, – и, тем не менее, уходила достойно при этом, не пряча лица и не переходя на постыдный бег, не пригибая по-детски голову. Глаза её были стыдливо опущены вниз – это правда, – щёчки горели румянцем, пухлые губки от волнения плотно сжались и напряглись. Но голова при этом, спина и шея держали прежнее царственно-ровное положение – смущению и испугу не поддались. Что свидетельствовало о благородстве и природном аристократизме девушки, хорошо знающей себе цену, и от этого даже и в критической ситуации не теряющей самообладания, не забывающей про достоинство и про честь...

4

Несколько секунд всего и было отпущено Максиму, чтобы успеть рассмотреть анфас выходявшую последней красавицу. Но этого вполне хватило, чтобы у него сладко защемило в груди от восторженного волнения, а следом встревоженно затрепетало сердце, и всё вокруг заискрилось будто бы небесным золотисто-лазурным светом как высоко в горах – в его сознании, взгляде и ощущениях. Что-то глубоко близкое, тёплое и родное почудилось Кремнёву в образе незнакомки, случайно забредшей в зал и одним только царственным видом своим прогнавшей с души его навалившуюся хандру, усталость, апатию, скуку...

«...Интересно, кто она? – принялся гадать он сразу же после того, как за гостьей захлопнулась дверь, волнение унять пытаясь. – Москвичка или из общаги?... А главное, у нас учиться? – или просто в гости к кому-то пришла, и не имеет к истфаку отношения?... Шикарная, надо сказать, дама! Высший сорт! Крупная, пышная, яркая, запоминающаяся! Молодая совсем, если судить по косе, чистая и никем ещё не тронутая и не целованная!... А какая дородная! какая стать! Красавица настоящая, кралечка, что не перевелись на Руси, на которую всю жизнь любоваться и любоваться – и всё равно не налюбуеться!...»

«...Да нет, наверное – гостья, – под конец отчего-то решил он с лёгкой грустью. – Иначе я бы её давно где-то увидел и запомнил: ведь два года уже здесь учусь. А мимо такой не пройдёшь, даже если и очень того захочешь...»

Он подумал так – и глубоко и протяжно вздохнул, выпрямился на стуле. Потом по-молодецки встряхнулся, как бы сбрасывая наваждение, а может – и сон внезапный, но чрезвычайно красочный и запоминающийся, широко зевнул и передёрнул плечами. После чего, улыбнувшись блаженно и счастливо, с жаром принялся опять за конспекты и книги, памятуя о предстоящих экзаменах. И надо сказать, что занятия его после этого пошли на удивление легко и спорно, качественно и продуктивно – это факт! Виною чему был адреналин в крови, невольно “закаченный” незнакомкой...

Но Максим этого не осознал по молодости, не заметил и не оценил – про главного и единственного виновника таких его внутренних качественных перемен, воистину для него чудодейственных. А через полчаса он и вовсе забыл про девушку и мимолётную встречу с ней, погрузившись в историю *Средних веков*, которая была для него в тот момент во сто крат важнее и дороже.

Через пару дней он успешно сдал предпоследний экзамен, а потом и последний 27-го числа. И порадовался за себя, разумеется, сбросив с плеч тяжеленный груз в виде четвёртой по счёту сессии. После чего, на радостях напившись с друзьями пива в пивной возле китайского посольства, обмыв там удачно сданные экзамены и зачёты, он с чистой совестью умчался к родителям на побывку, а 2-го июля – в студенческий стройотряд, из которого только в 20-х числах августа возвратился...

5

Десять дней он, ударно потрудившийся на Смоленщине, отдыхал у отца с матерью в Рязанской области – отсыпался, отлёживался часами в родной дому, с одноклассниками по городу гулял, восстанавливал после стройки силы, уже физические; и в Университет приехал лишь 5 сентября, когда там уже начались занятия...

Но даже и после этого он не сразу втянулся в учебный процесс, как и большинство его товарищей по ФДСу. С неделю ещё у него ушло на раскачку, на праздные шатания по Москве, по которой он за лето порядком соскучился, на встречи с бойцами-строителями, с многочисленной общажной братвой, заводной на кутежи и гулянки! И только лишь с 13 сентября он, наконец, принялся за учёбу: на лекции стал регулярно ходить, на семинары, спецкурсы, в спортивную секцию ту же. Стекланный Гуманитарный корпус рядом с проспектом Вернадского и Цирком стал для него с той поры постоянным местом обитания, куда он приезжал рано утром из общаги, а уезжал поздно вечером, когда заканчивался последний спецкурс или же тренировка в легкоатлетическом Манеже. Там он с первого в Университете семестра три раза в неделю серьёзно занимался спортом: был членом сборной команды своего факультет сначала, а потом и сборной МГУ...

6

17 сентября взявшийся за ум Максим стоял с приятелями в холле четвёртого этажа “стекляшки”, отдыхал между второй и третьей парами, ждал предупредительного звонка, чтобы идти в аудиторию на семинар по *истмату* и два часа кряду мучиться, просиживать напрасно штаны. Сидеть и изучать предмет, понимаешь, который сто лет был ему не нужен, который никому не нравился из студентов, но был обязательным по программе.

Вокруг было шумно и многолюдно, как и всегда в учебные дни, солнечно, жарко и душно; по длиннющему 100-метровому коридору учебного корпуса прохаживались взад и вперёд отдыхающие студенты, только добавлявшие шума, толчеи, духоты. Все – бодрые, загорелые, круглолицые и розовощёкие после летних каникул, на которых было приятно смотреть, встречать знакомые лица. Среди них было много товарищей – по курсу, спорту и общежитию, – кивавших ему головой в знак приветствия, подходивших и спрашивавших: «как дела? какие планы на вечер?». . . Но были и незнакомые – сопляки-первокурсники, в основном, испуганно-восторженный вид которых забавлял Кремнёва, уже пообтёршегося на факультете за пару прошлых годков, порядком освоившегося, “пустившего тут корни” и пиетет к МГУ утрадившего некоторым образом, как и внутреннюю гордость собою – и страх. Из-за чего его прежний блаженный восторг на лице во время занятий естественным образом улетучился, уступив место неизменному равнодушию, солидности и скуке – качествам, с которыми он до выпускного дня дотянул.

Но в тот момент настроение у героя нашего было самое что ни наесть возвышенное и благостное, самое праздничное, полное светлых грёз и надежд. Ещё бы! Сил было много в запасе – через край. Погода стояла чудесная, воистину *золотая*, до экзаменов было далеко-далеко, как до самой Камчатки. Так что “*гуляй, парнишка, от рубля и выше!*” – как в известной песне поётся, – лови золотые деньки! Для каждого студента осень – лучшее время в году, с которым ничто не сравнится, даже и чаровница-весна. Ибо её, весну, все пять университетских лет безнадежно портили сессии. А два летних каникульных месяца студенты-историки работали, как правило, – на стройке ли в деревне, на раскопках, в плановых экспедициях или ещё где. Мало кто летом из них сибаритствовал, прохлаждался и дурака валял: лишь немощные индивиды со справками. Отдыхать и барствовать, жир наедать не позволили бы заведенные на истфаке порядки, которым студенты следовали неукоснительно. . .

7

Итак, настроение у прибывшего на учёбу Максима было по-юношески светлым, возвышенным и прекрасным, самой погоде под стать. Оно и ещё на вершок улучшилось и приподнялось, когда он в коридоре бригадира своего увидел, Юшутина Юрку, бородатого студента-четверокурсника, рубаху-парня и весельчака, с которым два лета подряд бок о бок в стройотряде в смоленской глуши трудился, которому симпатизировал. Он бросился бригадиру навстречу, крепко обнял того, стал с жаром про жизнь и дела спрашивать, свои рассказывать новости и приключения, ближайшие планы на вечер. В том смысле, что неплохо было бы им после занятий встретиться и пивка попить, работу за пивом вспомнить, деревенское житьё-бытьё, которое не отпускало, хоть плачь, саднило и бередило душу, память сильно тревожило. Обычное дело, короче, для молодых мужиков, прошедших общие передряги и трудности.

И вот во время того бурного и восторженного разговора с бригадиром в коридоре учебного корпуса устремившийся взглядом в толпу Максим вдруг неожиданно осёкся на полуслове, напрягся и замер, меняясь лицом как от удара в бок или сердечного приступа. А можно и по-другому сказать: что ему будто за шиворот стакан ледяной воды вдруг подошли и вылили их факультетские шутники, заранее не предупредив! Отчего его всего передёрнуло и бросило жар, потом – в холод, и стало уже не до Юшутина и воспоминаний.

А всё оттого, что в потоке прогуливающих парней и девочек он вдруг ту самую незнакомку приметил, идущую им навстречу, которая так поразила и взволновала его в июне в читалке на пару с белокурой подружкой, и про которую он за лето не вспомнил ни разу – забыл. Сначала он именно почувствовал её по тому избытку нежности и теплоты, которое как от родной матери от неё в его сторону исходило, и которое он, оказывается, очень хорошо запомнил, всем восторженным естеством своим сохранил. И только потом уже, по мере её приближения, как следует её рассмотрел и узнал – и несказанно подивился увиденному и узнанному!

Это была она, безусловно она! – та самая гордая и неприступная, знающая себе цену девушка с длинной и тяжёлой косой за спиной, которая в июне-месяце так быстро, в один момент его очаровала-встревожила в общежитии! Перепутать было нельзя... И не она одновременно! – настолько приближавшаяся студентка изменилась разительно с той недалёкой поры, самым решительным и кардинальным образом.

Тяжёлой косы за спиной уже не было и в помине: богатые волосы были обрезаны летом и, парикмахером безжалостно укороченные, теперь едва доходили до плеч своими прядями-волнами, чуть подкрашенными золотистой хной для предания блеска. Стрижка изменила хозяйку принципиально, из девушки сделав женщину, как ни крути, молодую да раннюю дамочку-красавицу, почти что светскую львицу. Сознательно или нет – Бог весть! – но превращение было разительным и потрясающим для окружающих. Для Максима нашего – в том числе.

Этому же немало поспособствовала и одежда: хорошо подогнанный под фигуру брючный серый костюм и туфли на каблуках только усиливали впечатление у сторонних людей внезапного созревания и взросления юной дивы. Июньское простенькое одеянье, в котором она засветилась в читалке, и которое Кремнёву всё ещё хорошо помнилось, надо признать заметно молодило её.

Был и ещё момент, что остро в глаза бросался и как магнитом притягивал взор. Незнакомка и в июне не показалась Максиму маленькой и худосочной. Скорее наоборот... Теперь же она выглядела просто огромной в плотно-пригнанном одеянии и модных чёрных туфлях на каучуковой платформе, взрослой, дородной, солидного вида дамой, повторим, похожей больше на молодую преподавательницу, чем на студентку. Даже и пятикурсниц она своей солидностью и степенностью затмевала, видом и ростом, даже и их, которые, гулявшие рядом, по всем пара-

метрам и раскладам проигрывали ей, смехотворно-маленькими со стороны казались, почти что школьницами...

Ошалевшему от внезапной встречи Кремнёву кровь ударила в голову могучей страстной волной, мысли сразу же перепутались и разбежались от чувств, от волнения пересохло и запершило в горле, жаром вспыхнула грудь, очумело и яростно застучало сердце. Состояние было такое, будто Максим Матерь Божию вдруг в коридоре увидел, незаметно спустившуюся с небес и царственно шедшую ему навстречу в искрящемся облике незнакомки, пред светлым и духоподъёмным Ликом Которой ему сделалось по-особому сладко, остро и томно внутри, уютно, надёжно, тепло и светло; рядом с Которой летала и пела душа во всю свою ширь и мощь, открывались небесные голубые дали и было ничего не страшно...

– Я гляжу, Максим, ты нашёл тут у нас свою любовь, – ехидно оскалился бригадир, с любопытством поглядывая то на молодого товарища, потерявшего голову от внезапно вспыхнувших чувств, то на проходившую мимо студентку, обдавшую их обоих густым запахом чудных цветочных духов. – А чего! Правильно! Дело хорошее – лихую карамболь закрутить, пока есть силы и время, пока свободен! Тем более, с такой гарной дивчиной. С такой, Максимка, погулять-помилиться не грех! Я б и сам с такой загулял. Да куда жену теперь денешь, старую перечницу!

– Перестань, Юр, шутить и прикалываться – какая любовь? – стыдливо стал отнекиваться Кремнёв, безуспешно пытавшийся сбить душевное наваждение и согнать красноту с лица. – Скажешь тоже! Просто симпатичная девушка, вот и всё. Впервые её у нас на факультете вижу...

Прозвеневший звонок прервал разговор, заставил приятелей по аудиториям разбежаться. Но, расставаясь, они договорились после занятий встретиться вновь. И тогда уже решить, где и как им совместно провести вечером время...

8

Занявший место за партой в аудитории 4-12, где проходил семинар, Максим все два часа потом не про *исторический материализм*, а про прекрасную незнакомку сидел и думал, безумно радовался, что встретил её опять, блаженно чувствуя при этом, как сладко стонет и рвётся в груди его очастливленное молодое сердце.

«Значит, ты всё-таки наша, на истфаке учишься, – сидел и восторженно думал он, внезапной встречей очарованный, как и царственным видом девушки. – На каком курсе только, интересно знать? И где живёшь – в общежитии или... или ты москвичка? А летом к нам просто в гости заглядывала, как другие, – подруг навещать, конспектами разжиться?... Может и так. Однокурсники-москвичи от нас не вылезают, как правило: каждую сессию в третьем корпусе с утра и до вечера отираются, черти, добирают знаний, ума... Ладно, выясним, время есть, обязательно выясним!... Я думаю, дорогая моя, не раз ещё с тобой встретимся: учебный год только начался, и всё ещё впереди... Однако ж, поразила ты меня сегодня, голубушка, как гром среди ясного неба; прямо до глубины души потрясла... Настоящая БОГИНЯ ты, честное слово, как есть БОГИНЯ!...»

9

По окончании занятий он встретился с бригадиром, как и обещал, и весь вечер просидел-пропьянствовал с ним в кафе на Мосфильмовской, куда постоянно ездили развлекаться студенты Университета, и гуманитарии, и естественники, куда и актёры “Мосфильма” нередко заглядывали “на огонёк”: Максим там многих перевидал за 5 студенческих лет, и *народных*, и *заслуженных*, и *обыкновенных*, за соседними столиками гужевавшихся. Там повара-узбеки готовили прекрасные лаваша, чебуреки, пельмени и беляши практически за копейки – и не бранили посетителей за принесённое с собой спиртное, не выгоняли вон и не пугали милицией. Вот университетская и мосфильмовская шатия-братия туда и навевывалась регулярно – отдохнуть, расслабиться и подкрепиться, переговорить по душам в тепле, светле и уюте, дела какие решить неотложные или ещё что. Дешёвых и уютных кафе в Москве не так-то много и было.

Максим с товарищем просидел-протрепался тогда до самого закрытия, до 22-00, и под конец от лишнего пива осоловел и поплыл основательно – потому что пить никогда не любил, избегал необязательных пьянок, занимаясь спортом. Но компания есть компания: за компанию, как в народе у нас говорят, даже и жид удавился. Не станешь же с хорошим другом чай сидеть и весь вечер пить, или минералку. Коль уж *“назвался груздем – полезай в кузов”*... Однако ж прекрасную незнакомку он из сознания даже и сильно выпивший не выпускал, как за случайно-найденный на факультете золотой слиток мысленно за неё держался. И тихо радовался при этом, без-престанно скалился как дурачок и носом по-детски хмыкал – Юрку Юшутина своим поведением поражал. Ибо такого без-почвенного кривляния с ним прежде не было, не водилось...

10

В следующий раз Максим увидел свою БОГИНЮ – именно так почтительно и величественно он её мысленно теперь принялся звать-величать – через неделю где-то, на первом этаже Учебного корпуса после занятий: она выходила с подругами из аудитории, где студентам-гуманитариям читались лекции профессорами – и историкам, и филологам, и философам, и психологам. И опять взбеленившийся и побледневший от страха и счастья Кремнёв был очарован её красотой до одури и головокружения, и сумасшедшего жара и стука в груди; опять он умом поехал. Величина воздействия девушки на его сознание и душу была запредельной и фантастической, почти что смертельной для человека. Будто бы он, студент-третьекурсник Кремнёв, потерявший разум и страх по какой-то причине, на университетский золочёный шпиль вдруг внезапно и самовольно забрался и секунду-другую там, шальной и восторженный, постоял с тамошними орлами рядышком; при этом и сам становясь орлом, лицо и грудь озорно и отчаянно под мимо плывущие облака будто бы подставляя, под шум эфира и ураганный ветер вокруг. И, одновременно, душою к Вечности прикасаясь как к золотой университетской звезде, уже и Творца-Создателя в небесном мареве будто бы различая.

Перегибов, натяжки и преувеличения в данном сравнении если и есть, то немного: всё оно так точно и было, Читатель, поверьте, – фантастический выброс эмоций и чувств из молодой кремнёвской груди при виде красавицы-незнакомки, которых на десятерых бы хватило...

Обожательница его после лекции напрямиком направилась с подружками к гардеробу за плащами и куртками: третья, последняя пара закончилась, и большая часть студентов Дневного отделения собиралась домой, освобождая места для вечерников. Максим же пулей бросился к лифтам, чтобы подняться в учебную часть и посмотреть в расписании, какому курсу пару часов назад читалась в аудитории №XX лекция. Когда увидел, что второму, историческому, – удивился крайне: уж так не походила его незнакомка, его чаровница, его богиня на сопливую второкурсницу. Скорее, повторимся, на аспирантку, или молодую преподавательницу, только-только зачисленную на факультет...

11

С тех пор раз в неделю в определённый день он стал поджидать свою красавицу в вестибюле на первом этаже – и не заметил, как видеть её после лекций стало для него насущной необходимостью, жгучей внутренней потребностью даже, как для больного укол. Бывало, спустится быстро на лифте после третьей пары, встанет где-нибудь за колонной у раздевалок, чтобы не было его видно ни ей самой, ни своим приятелям-одноклассникам, известным зубоскалам и циникам, и пошлякам, – и стоит ждёт, волнуется, когда его ненаглядная из лекционного зала выйдет, красотой его, убогого, одарит, тихим восторгом и счастьем.

Посмотрит на неё минут пять, полюбуется – как она одевается неторопливо, перед зеркалом царственно прихорашивается, как волосы и платок на груди поправляет изящно и грациозно, и потом с подружками в Главный корпус неспешно идёт или на автобусную остановку, чтобы домой ехать, – вся такая статная, величественная и прекрасная! Страх! После чего и сам из-за колонн появляется воровато, внутренней радостью наполненный до краёв как самовар кипятком перед чаепитием. И потом ходит какое-то время по первому этажу из конца в конец в сомнамбулическом состоянии – абсолютно дурной, блаженный, задумчивый и неспособный, будто бы зелья опившийся невзначай и приходящий в себя после этого.

Счастья полученного, дармового, аккурат на неделю ему и хватало, как правило, чтобы жить куражно, комфортно и весело, имея перед собой светлый девичий образ как некий жизненный ориентир и большое-пребольшое подспорье в учёбе и спорте. А потом в назначенный день и час он торопливо спускался вниз к знакомой аудитории и опять тайно свою богиню ждал – адреналином, энергией, верой вновь от неё заряжался, внутренней радостью, силой и жаждой жизни. И чем-то ещё таким, неуловимым, особенным и чудесным, чего ни понять, ни объяснить нельзя писателям и художникам: слов для этого ещё не придумали люди, и, вероятно, долго ещё не придумают, если придумают вообще. Это только одни влюблённые романтики-небожители – избранники Божии – интуитивным шестым чувством и ощущают смутно, ради чего они, собственно, и живут, за что, порой, даже и умереть готовы с высокопарной гордостью на лице и дорогим именем в памяти и на устах – без малейшего страха и содрогания, без сожаления за земную жизнь, пустую и без-смысленную без дорогого и горячо-любимого человека. Другим же – не влюблённым и не очарованным, не блаженным и не сумасшедшим, не избранным Богом людям – этого не дано узнать – к их великой грусти и сожалению. Потому что чувство это святое, горнее, не валяется на дороге – его ещё вымолить надобно и заслужить как самую дорогую в жизни награду, у которой нет, и не будет цены.

Этого, к слову, и сугубым прагматикам-материалистам категорически не дано понять – подобную платоническую любовь на расстоянии, над которой они потешаются и издеваются вечно, за извращенье считают её, за болезнь. Для таких отношения между мужчиной и женщиной сводятся исключительно к постели и сексу, к истошным стонам и крикам, содомии, наручникам, плёткам и акробатическим номерам, которых чем больше, тем лучше и качественнее любовь; а затухание которых свидетельствует лишь о её упадке. Так считают они – люди-прагматики, люди-материалисты, люди-дельцы, – и так они и живут. И только такую жизнь и такую телесную любовь и считают истинной, правильной и настоящей...

12

Подводя некий первый итог, скажем, что Университет для героя нашего с той поры превратился воистину в Божий Храм, куда он, как молодой дьячок, со всех ног будто на первую службу стремился, где забывал про земное и тленное, про людей, где предавался чистому созерцанию, раздумью высокому и молитве! А в целом – Богу! Прекрасная же незнакомка живую икону собою олицетворяла точь-в-точь в его воспалённом сознании, Марию Магдалину будто бы, жену Радомира-Христа, перед которой Максим Кремнёв еженедельно, затаив дыхание, после занятий незаметно стоял, неизъяснимый душевный подъём и восторг испытывая, икаровский порыв души. Счастливчику и везунчику, в такие духоподъёмные минуты ему не нужны были посредники-попы, как и раввины, ламы, муфтии или имамы. Начиная с третьего курса, с 17 сентября, он с Небесным Отцом-Вседержителем напрямую как бы уже общался – через Его светоносную, лучезарную Дочь и, одновременно, свою Богиню...

Иногда он встречал свою обожательницу и на этажах, с подружкой разгуливавшую между парами. Но такие встречи он не очень любил и старался куда-нибудь улизнуть по возможности. А если свернуть было некуда, спрятаться в аудитории или ещё где, – он всегда втягивал голову в плечи, как воришка пригибался к земле, робел и краснел густо, нервничал, завидя идущую ему на встречу красавицу, человеком-невидимкой старался стать, – чтобы ей глаза собой не мозолить, не портить впечатления и настроения. Потому что ему казалось с первого дня, что она была выше его на целую голову ростом; да и гораздо мощнее его, крупнее телосложением, духом, знатнее соц'положением; и как на букашку на него посматривает и улыбается. Или же – как на пустое место.

Ему это было больно осознавать – такую свою недоразвитость и убогость...

13

Возле колонн в вестибюле Учебного корпуса он караулил свою избранницу до середины ноября, пока её в общаге однажды не встретил в одной из читалок. Туда он и стал после этого регулярно ходить – на тайные свидания как бы. Что сильно облегчило ему жизнь – и упростило одновременно.

Случилось же это вот как. В середине ноября, вернувшийся вечером из столовой Максим, полежав с полчаса на кровати и отдохнув, нехотя поднялся, чтобы взять с полки учебник по философии и почитать его: начать готовиться к зимней сессии, таким образом, которая была не за горами. Но учебника на месте не оказалось: его кто-то из товарищей взял, соседей по комнате, и взял без спроса.

Недовольно поморщившись и выругавшись про себя, сгоряча чью-то матушку помянув беззлобно, посетовав на порядки общажные, архи-либеральные, где вещи ходят по кругу, минуя хозяина, и ничего никогда не найдёшь, где вечно всё пропадает, Максим направился в читальные залы на первый этаж – искать там друзей-однокашников и свой учебник. В один зал зашёл, в другой – всё без толку. И только в третьем, самом большом зале он на дальнем ряду у окна нашёл, наконец, Жигинаса Серёгу, своего задушевного “корешка” и давнего соседа по комнате, делово обложившегося книгами за столом, среди которых была и кремнёвская философия.

Подкравшись к дружку незаметно сзади, Максим для начала тому лёгкий подзатыльник отвесил для профилактики и ума, потом крепко схватил за ухо, как это обычно с хулиганами делают, после чего шепотом строго выговорил-предупредил, чтобы тот «не хапал чужого, ворюга, а имел своё». А то, мол, «я тебе кусь-кусь сделаю, гадёныш этакий, посажу “сливку” на щёку или ещё куда, повиднее и посмешнее». После этого он, забрав у Серёжки книжку, выпрямился, развернулся вполоборота и, довольный быстрой находкой, собрался было уже уходить из зала, как вдруг слева от себя, в трёх метрах всего, в углу у самой стены увидел свою обожаемую-незнакомку за первым столом, склонившуюся над конспектами...

И опять привычная лёгкая дрожь по телу, озноб и восторг душевный накрыли его волной, что сменились жаром как возле раскалённой печки. От волнения стало трудно дышать, мысли спутались и закружились как от внезапного взрыва хлопушки или петарды перед глазами... А ещё подскочило давление, вероятно, и голова закружилась и “поплыла” от потоков вскипевшей крови, от чувств, которые целый ураган внутри него взвихрили и закружили...

«Значит, ты всё-таки наша, здешняя, не москвичка, – радостно подумал Максим, осторожно направляясь к выходу и при этом не отрывая глаз от первого стола у стены, над которым в задумчивости склонилась его богиня. – Странно, а почему я тебя в прошлом-то году ни разу нигде не встретил, даже и здесь, в ФДСе? И зимой, и весной я в читалках сидел безвылазно, во всех по очереди; и в этот зал к приятелям забегал; да и сам здесь сидел пару раз летом, когда ты с подружкой сюда зашла в 20-х числах июня – но быстро вышла... Я ещё тогда подумал, помнится, что гостья ты, что просто к кому-то на огонёк забрела, – а оно вон как всё обернулось чудесно... Как же это ты смогла-умудрилась, голубушка, целый год здесь, в общаге, от меня незаметно прятаться – такая-то вся яркая и обворожительная?!...»

Очумевший и счастьем сияющий, он медленно вышел из душного, заполненного студентами зала, поднялся к себе на этаж, зашёл в комнату, лёг на кровать, держа в руке книжку. Но так и не раскрыл её: заниматься уже не смог, не хватало на это сил и желания. Он только лежал бревном, смотрел в потолок завороченно, усмехался краями губ – и всё про прекрасную незнакомку, не переставая, думал, себе её представлял, которую уже не нужно было в “стек-

ляшке” теперь еженедельно выслеживать и поджидать, которая рядом совсем находилась, как выяснилось, жила с ним в одном корпусе.

Для него это был чудесный подарок Судьбы! И неопиcуемый праздник души и сердца одновременно!...

14

Минут через 20-ть восторженных и по-особому страстных мечтаний очарованный встречей Кремнёв не выдержал – прыгнул с койки. В спешном порядке он переоделся в новый спортивный костюм с белыми лампасами на рукавах и штанах, в котором выступал исключительно на соревнованиях и который берёт, не таскал в общаге. Потом поправил волосы перед зеркалом, весь в струнку вытянулся и взбодрился, добавляя себе росточка и стати, – и прямоком направился на первый этаж: якобы навещать товарища.

Там он отдал Жигинасу книжку, сказав извиняющимся тоном, что философия-де сегодня не лезет в голову – совсем-совсем. И он решил поэтому на специальные курсы переключиться, которые были ближе душе и родней. «Так что читай и изучай, мол, ты, друг Серёга, ума-разума набирайся, а я сегодня не в форме, я сегодня дурной; прости, что планы твои нарушил, учебник нагло отнял, не держи зла на приятеля»... Короче, стоял и плёл Жигинасу всякую ерунду на ухо: так – для проформы больше и для затяжки времени. А сам все пять минут разговора только и делал, что на прекрасную незнакомку украдкой смотрел, всё любовался и восхищался ей, находившуюся от него в трёх метрах всего, через ряд и в самом углу у стенки. Сидела она за столом в простой светлой кофточке с короткими рукавами и в голубых трикотажных рейтузах, вся погружённая мыслями в книги, в работу, в лекции. Такая милая и родная уже, сердцу на удивление близкая и желанная! Женщина, которую он будто бы давным-давно уже хорошо знал, – но с которой почему-то вдруг взял и расстался однажды по какой-то непонятной причине...

Когда Максим наконец вышел из зала, – он ещё долго её себе потом представлял, над конспектами тихо склонившуюся. И умиленно радовался при этом, счастье душевное излучал, свет божественный, горний...

15

С тех пор раз в неделю он, переодевшись в чистое, стал спускаться вниз с какой-нибудь книжкой под мышкой, волнуясь, заходил в самую большую читалку в их третьем корпусе, садился там за свободный столик где-нибудь в центре, клал перед собой учебник, якобы для работы, – и начинал после этого богиней своей без помех и стеснения любоваться, которую с осени в Гуманитарном корпусе караулил, приписав к москвичкам её...

Его избранница сидела всё за тем же первым у боковой стенки столом, который за собой застолбила, на который даже и лампу поставила ближе к Новому году, чтобы не ломать глаза. Такое практиковали некоторые прилежные студенты – имели в фэдээсовских читальных залах персональные, так сказать, места, на которых потом целый год сидели по вечерам – занимались как за собственной партией в группе. Но для этого им, во-первых, надо было приходиться туда каждый день – и сразу же после занятий, пока другие валялись на койках после обеда; а во-вторых, после ухода вечером в жилые комнаты спать ещё и оставлять на столах конспекты или не особо ценные тетрадки: давать этим знаки другим, что данное место занято, что тут работают постоянно, и не надо сюда садиться, когда вокруг столько свободных столов.

Сам Максим Кремнёв этим не занимался, не заводил персональных рабочих мест в общежитии: не любил навечно привязываться ни к каким местам и столам; наоборот, любил движение и перемены. Он был человеком ветреным и непоседливым по натуре, таким перекасти-поле. И любой застой был органически противопоказан ему, удручающе на него действовал... К тому же, три раза в неделю по вечерам он серьёзно занимался спортом, как уже говорилось, выступал за сборную факультета и МГУ, и в общажные читальные залы заглядывал редко в учебные дни, от случая к случаю. Как правило, он в Учебном корпусе любил сидеть и работать допоздна, где куча книг по всем направлениям и тематикам была под рукой, а сами залы были огромными, светлыми и просторными, не чета фэдээсовским, куда было тошно ходить, где постоянно приятели отвлекали... Туда он перебирался лишь во время сессий, когда неохота было собираться и в Гуманитарный корпус ехать с Ломоносовского проспекта, время и силы на переезды тратить, дёргаться и уставать.

Избранница же его, наоборот, была трудоголиком и домоседкой, похоже; любила постоянные обжитые места, и везде поэтому старалась свить своё гнёздышко, привыкнуть к нему, пусть и временному, чтобы чувствовать себя расслабленно и комфортно. Начиная со второго курса, она, пообвыкнув в общежитии и ощутив себя уже полноправной студенткой, как раз и облюбовала угловой стол у торцевой стены в самом большом зале их жилого корпуса: так можно было предположить. Чтобы быть подальше от вечно хлопающей входной двери и шатающихся туда и сюда студентов, к которым она сидела спиной и никого не видела. Облюбовала, хозяйски обставила передний стол под себя – и никому уже его не уступала в течение учебного года. А где она занималась на первом курсе? – Бог весть. История о том умалчивает...

16

Повадившись ходить в этот зал раз в неделю вечером после занятий, Максим пристраивался за свободным столиком в центре напротив двери, редко кем занимаемым, и тихо сидел там какое-то время, подперев рукой голову и замерев, – жадно пожирал свою богиню глазами, любовался, радовался и восхищался ей, царственным видом её умилялся. И, одновременно, как бы “заряжался” от неё словно от живой батарейки – фантастическим её трудолюбием и упорством, усидчивостью, работоспособностью и чистотой, которые обильно струились от девушки в мир лучами искрящимися и невидимыми. Ему так сладко было следить со стороны, как она напряжённо книги читает изо дня в день, терпеливо копается в них, критически анализирует – и через этот анализ азы Большой Истории познаёт, запечатлённые на бумаге картинки прошлого. Или старательно и дотошно, как и все отличницы, конспектирует мысли великих в своих тетрадках – чтобы понадежнее их понять, запомнить и уяснить, “разложить в голове по полочкам”. И потом уже те знания применять, когда настанет срок, – устно или письменно передавать потомкам в ранге молодого учёного.

В особо-сложных местах она откладывала авторучку в сторону, поднимала голову кверху и, уставившись глазами в стену, надолго задумывалась, подбородок, щёки, носик пальчиками теребя, до сути авторской докопаться пытаясь, до Великой Истины. Вся такая возвышенная, любознательная и прекрасная, да ещё и умненькая вдобавок, каких в стране не много, поди, и найдёшь, каких и в мире-то единицы водятся.

Наблюдая со стороны за девушкой, на чистого ангела больше похожей, или на херувима, каким-то непостижимым образом попавшего к ним на истфак, мысленно общаясь с ней, некий телепатический контакт устанавливая, или внутренний канал связи, Максим и сам высоко поднимался мысленно и креп душой, чистоту с красотой от богини сердца перенимая. Развратником, циником и пошляком он и раньше не был – избавил его от этого Господь Бог, оградил от грязи и мерзости житейской! Теперь же, после встречи девы-красавицы, так поразившей его и, одновременно, очаровавшей, он скабрёзных мужских разговоров в комнате прямо-таки на дух не переносил – закипал ненавистью от них в два счёта.

Не удивительно, что он запрещал друзьям-однокашникам говорить про девушек разные гадости при нём, грязь на них по вечерам лить, обзывать *похотливыми и глупыми тёлками, развратными самками или сосками*, или ещё даже грязней того и пошлей. Чем вызывал непонимание и удивление у одних, ехидные и недоверчивые смешки, а у других и вовсе лютую злобу. Такие циники судили всех по себе, разумеется, поэтому и не верили Максиму ни грамма и презирали одновременно. Считали его чистоплюем законченным и лицемером, неискренним воображалой-клоуном, пошлым актёром, у которого-де, кроме дешёвых театральных понтов, ничего больше нет за душой, не водится. И человек он поэтому дрянной, ненадёжный и мутный...

17

А однажды, перед Новым годом уже, перед началом зимней зачётной сессии, если точнее, очарованный третьекурсник-Кремнёв, влюблённый в свою БОГИНЮ по уши, решился на отчаянный шаг – поиграть в разведчика. Или – в шпиона, как кому больше нравится. Памятуя, что стол его обожательницы всегда был густо завален черновиками и конспектами, менее ценную часть которых она всегда оставляла на ночь в зале, оберегая от посторонних, он поздно вечером, после ноля часов уже, когда большинство студентов спало, поднялся с постели, оделся и спустился по лестнице вниз, на первый этаж, где кроме дремавшего старика-вахтёра из студентов никого уже не было. Там он осторожно зашёл в пустую и гулкую читалку, включил в зале свет, сощурился от неожиданности, потом осмотрелся и отдышался, успокоил себя, как перед ответственной операцией... Убедившись, что зал был абсолютно пуст, он тихо пробрался и присел к столу у стены, за которым полгода уже восседала его обожательница.

Состояние было такое внутри у Максима, будто бы он в гости к ней тайно зашёл в отсутствие самой хозяйки, дух и тепло её вокруг себя ощущая, видя на столе её вещи. Как самые дорогие реликвии он осторожно стал рассматривать и перебирать оставшиеся бумаги девушки, исписанные ровным почерком, что вызвал у него, писавшего всегда как курица лапой, глубокое почтение и восторг, и ещё большее чувство любви и нежности к своей богине...

«Отличница с первого класса, как пить дать! – с гордостью подумал он. – Только отличницы все так ровно и красиво пишут!»...

И вот во время того тайного осмотра он наткнулся на черновик курсовой работы, на первой странице которой было аккуратно выведено ФИО хозяйки – **Мезенцева Татьяна Викторовна**, Исторический ф-т МГУ им. Ломоносова, 202 группа...

Так вот Максим и познакомился, наконец, с БОГИНЕЙ СЕРДЦА. Пусть пока и заочно, через её конспекты. Но хоть так.

Ему почему-то страшно понравилась сразу звучная фамилия девушки, что была производной от названия старинного русского купеческого города в Архангельской области, Мезень, расположенного на правом берегу одноимённой речки; понравились имя её и отчество. Смущало только одно обстоятельство, да и то не сильно. По внешнему виду его обожательница Татьяна больше напоминала южанку, жительницу Крыма, Кубани или же Ставрополья: была такая же смуглая, темноволосая, сочная и наливная, будто бы на благодатной южнорусской земле выросшая и в таком же чудесном климате. А оказалась северянкой на деле, если из фамилии исходить, которые не просто же так людям даются, по которым можно род, характер и качество человека легко проследить...

18

Время, что провёл в МГУ третьекурсник-Кремнёв с ноября по июнь следующего календарного года включительно – и про это можно с уверенностью написать, не погрешив против истины, – было для него самым эмоционально-ярким за 20-ть прожитых лет, чувственно-острым и по-настоящему праздничным, воистину райским. Рядом с ним неожиданно-негаданно вдруг объявилась чудная девушка, родная душа, Мезенцева Татьяна Викторовна, которая своим постоянным присутствием незримо, но мощно его возвышала над студенческой рутинной и повседневностью, очищала, одухотворяла и освящала одновременно, бодрила, укрепляла, поддерживала и осчастливливала! Как бодрит, поддерживает и счастливит любого парня только лишь родная матушка – или та же сестра, по-настоящему любящая и заботливая. Для Максима Татьяна стала с тех пор лучшим и надёжнейшим ориентиром жизненным и маяком, путеводной звездой и ангелом-хранителем одновременно, без которого простому смертному не в радость и не на пользу жизнь, без которого, как легко можно предположить, и на небесах будет тошно и страшно. Сама того не ведая и не понимая, и уж точно – не чувствуя, она будто белые крылья свои над ним широко распластала в качестве божественного покрывала, за которое не проникали в душу Кремнёву смятение, неудачи, паника, чернота и грязь, невзгоды, страхи и сомнения.

Очарованный и влюблённый, он, одевшись в парадное в общежитии, спускался со своего этажа вниз, тихо входил в полюбившийся читальный зал и до конца третьего курса, включая сюда и экзаменационный июнь, жаркий и муторный во всех смыслах, сидел там где-нибудь позади Мезенцевой неприметно. Сидел – и подолгу смотрел-любовался ей: как она думает и работает, постигает азы Науки; или просто мечтает, головку набок склонив, отдыхает от книг и конспектов... И так ему сладко и томно было, повторим, спокойно и хорошо на душе от её милого профиля и поведения! – что лучше этого что-либо и придумать было нельзя. Потому что лучше любовного созерцания дорогого тебе человека на свете и нет ничего, не придумали...

Под давлением его пристальных, страстных и предельно-восторженных глаз Таня иногда вздрагивала, напрягалась и поворачивала назад голову. И сама впивалась в него пронзительным умным взглядом, выдерживать который у Максима никогда не хватало сил: настолько глаза Мезенцевой были огненны и глубоки, черны, жутки и бездонны, столько жизненной силы излучали в мир, мудрости, ума и воли... Он нервничал, ёрзал на стуле и быстро опускал голову, открывал книжку или тетрадь на первой попавшейся странице и начинал там якобы что-то читать, водить по страницам пальцем... А когда успокаивался и выпрямлялся – видел, что богиня его опять работала как ни в чём не бывало, будто меж ними и не было ничего, никакого визуального контакта и соприкосновения...

Чтобы не смущать больше девушку взглядами жаркими, через чур внимательными, не отвлекать и не злить её, не тревожить, он тихо поднимался и уходил к себе на этаж; или же в другой зал перебирался во время сессии. И потом долго ещё не мог успокоиться, взять себя в руки – на учёбу настроиться, на чтение нужных книг. Что было, то было!

Но проходили дни, и он, соскучившийся и опустошённый, рутинной придавленный и измученный, опять спускался в знакомую комнату на первом этаже – чтобы от Тани “подзарядиться” и возгореться душой, чтобы священный огонь внутри него не затухал никогда, и даже и не уменьшался ни качественно, ни количественно. Посидит, бывало, порадуется как ребёнок, счастья в себя зачерпнёт полной мерой – и потом счастливый и гордый на учёбу и тренировки

ходит несколько дней подряд, светлый девичий образ мысленно перед собою видя, боготворя и любя его, с ним свою молодую жизнь сверяя...

19

Подобное райское время Кремнёва продолжалось до конца третьего курса. Или, до последнего успешно-сданного экзамена 6-ой университетской сессии, если совсем точно, когда он периодически в *фэдээсовскую* читалку заглядывал и Татьяною там любовался, её божественной красотой, статью, усидчивостью и трудолюбием.

Но после экзаменов он умчался опять в стройотряд на всё лето с товарищами. А, начиная с четвёртого курса, он переехал на жительство в Главное здание МГУ согласно внутренним правилам, в одну из четырёх университетских башен в зоне “В”, убогий ФДС и его тесные жилые и читальные комнаты навсегда покинув.

Ездить в старую общагу на Ломоносовском проспекте на кратковременные тайные свидания с Мезенцевой стало ему, старшекурснику, уже и не солидно как-то, и не с руки: и физически тяжело, и заметно для окружающих. И тогда он опять взял за правило свою БОГИНЮ после лекций стоять и ждать в вестибюле Учебного корпуса: чтобы встретить её у раздевалки тайком, как раньше, и душою в небо взлететь и возрадоваться, поволноваться и полюбоваться как прежде её чарующей красотой, которая с возрастом не убывала.

Но и это ему не часто теперь удавалось, увы. Перейдя на четвёртый курс, он и в Учебном корпусе редко уже появлялся, редко на лекции и семинары ходил – охладел, а потом и вовсе “забил” на учёбу – как они, студенты, тогда выражались, – по примеру своих товарищей. В основном работал с научным руководителем приватно, в “стекляшке” или у него дома, писал курсовые сначала, потом – диплом, по Москве регулярно мотался да в общежитии дурака валял: читал художественную литературу запоем, смотрел телевизор, или просто лежал и с дружками часами болтал, жизнь обсуждал брэнную. А по вечерам продолжал активно заниматься спортом: на беговой дорожке дурь из себя выгонять, – вот и все его на четвёртом курсе житейские дела и заботы...

С Татьяною Судьба свела его близко в конце четвёртого курса, во время 8-ой по счёту экзаменационной сессии. Но об этом рассказ – впереди...

Глава 2

1

Перед тем, как двигаться дальше, надо нам с вами, дорогие читатели и друзья, в общих чертах познакомиться с главным героем повести, Максимом Кремнёвым. Коротко рассказать о нём: кто он был таков? откуда родом? Как поступил в Университет и почему поступил? почему решил стать именно историком, а не кем-то ещё – врачом, инженером или авиатором? С каким настроением в МГУ учился в окружении своих друзей? к чему все пять студенческих лет стремился? какие планы строил?... Без всего этого трудно будет понять мотивов его дальнейших крайних и дерзких поступков – и рядом с Мезенцевой Татьяной, и без неё. Как и того, разумеется, почему так трагически сложилась в итоге его Судьба, изначально не самого глупого и недостойного человека...

Итак, родился он в середине 1950-х годов в провинциальном русском городке Касимов на северо-востоке Рязанской области, что раскинулось на левом берегу Оки на высоких холмах. Помимо своей древности и красоты, Касимов ещё известен и тем, что близ него находится *Окский биосферный заповедник*.

Родители Максима были самые что ни на есть простые и незнатные люди, люди совсем не богатые. Батюшка, Кремнёв Александр Фёдорович, работал мастером на заводе; матушка, Кремнёва Вера Степановна, после окончания медицинского училища в конце 1940-х, трудилась медсестрой в городской больнице, в хирургическом, самом муторном и колготном отделении, самом непрестижном и энергозатратном. Максим был у Александра Фёдоровича и Веры Степановны вторым по счёту ребёнком: первый их сын, Василий, родившийся в начале 50-х годов, умер во младенчестве от воспаления лёгких. Максим узнал про умершего братика поздно, когда в 8-м классе уже учился: родители почему-то такое событие от единственного сынишки долго и упорно скрывали, психику его берегли.

Понятно, что чета Кремнёвых как зеницу ока берегла единственного сына, души в нём не чаяла и отдавала своему Максимке лучший всегда кусок, а сама остатки за ним доедала... Так в родительской заботливой любви и ласке он и рос молодцом, активно занимался спортом с ребяческих лет, в школе хорошо учился. Хотя математику с физикой, химию ту же не очень-то жаловал за сухость и бездушность их, за холодный расчёт: был по натуре романтиком, или чистым гуманитарием. Книжки художественные очень любил читать с биографиями путешественников и мореплавателей, разведчиков и полководцев, деятелей науки; в девятом классе уже полностью перешёл на ЖЗЛ и перечитал всё из этой серии, что попадалось под руку. Регулярно посещал школьную и районную библиотеки с пятого класса, набирал там стопками разных авторов и читал их запоем дома, что было и не оторвать, переживал за главных героев сильно, не по-детски мучился и страдал, всем сердцем хотел помочь. Учителя истории и литературы по этой причине были им очень довольны, ясное дело, в пример одноклассникам ставили – такого любознательного не по годам, образованного и начитанного... И в иностранных языках он преуспевал: они также ему легко давались. В школе он блестяще изучил немецкий язык, например, разговаривал на нём свободно, а, поступив в Университет, – знание английского в свой арсенал добавил, хорошее, прочное знание, которое ему впоследствии пригодилось.

Любовь же к истории ему привил их директор школы, Зотов Вадим Андреевич, пожилой уже человек пенсионного возраста, великий патриот своей страны, матушки-России, преподававший им этот главный гуманитарный предмет в выпускных классах. В их школе он дирек-

торствовал с середины 1960-х годов, с момента прихода к руководству ЦК КПСС Брежнева Л.И.; а до этого, как шушукались горожане, он работал в Рязанском обкоме партии с 1939 года, всю войну и после был там секретарём по идеологии... Но в 1949-м он был арестован по «Ленинградскому делу», когда Н.С.Хрущёв, переведённый с Украины в Москву, очищал с Маленковым, Берией и Кагановичем вертикаль Власти от державников-патриотов; был снят с должности и даже находился под следствием какое-то время, а потом – в ссылке около 15 лет где-то в Архангельской области. В середине 60-х, однако, его, чудом выжившего в той передрыге, реабилитировали и вернули в Рязань. Но не в партийный обком уже, где всем продолжали заправлять анти-русисты-хрущёвцы, а в провинциальный Касимов, и назначили там – по его неумолимому желанию потрудиться ещё на благо и пользу стране – директором второй средней школы, где и учился с первого класса Максим. Да ещё и позволили ему преподавать историю детям, памятуя о его университетском образовании. В далёкие 1920-е годы Зотов закончил истфак МГУ и очень гордился всегда своими глубокими знаниями по данному предмету и своим дипломом.

Про Московский государственный Университет Вадим Андреевич неизменно с пафосом и жаром детям рассказывал на уроках, со старческим блеском в глазах – и про старое здание на Маховой, где сам когда-то учился, и про новое на Ленинских горах, чудо мировой архитектуры, где он никогда ещё не был, не довелось, но куда всё собирался попасть на экскурсию. Заверял учеников раз за разом, что МГУ – лучший вуз не только в СССР, но и в мире. Куда лучше и ценнее Гарварда, Кембриджа, Сорбонны и Оксфорда! И что ежели кто из них хочет что-то по-настоящему глубоко и правильно узнать и понять для себя, получить фундаментальные знания по каким-то отдельным предметам – тем надобно поступать непременно туда, всенепременно! Ибо с Университетом и тамошними преподавателями-великанами, научными и культурными традициями и первостатейными и по-настоящему уникальными образовательными программами, по его глубокому убеждению, ни один вуз не справится и не сравнится...

2

Под воздействием таких наставлений впечатлительный Максим и заболел МГУ. А вместе с ним – и родной историей. Директор их и историком был знатным и грамотным, должное ему надо отдать: умел учеников зажигать красочными рассказами про боевые и трудовые подвиги земляков и соотечественников, заставлял питомцев гордиться великим прошлым своей страны, делал их патриотами и бойцами, без-страшными стояльцами за Святую и Великую Русь.

Не удивительно, что в начале десятого выпускного класса набравшийся храбрости Максим подошёл после очередного урока к Зотову и поделился с ним сокровенным: что мечтает по окончании школы, получив аттестат, поехать в Москву – чтобы попробовать поступить в МГУ и стать студентом-историком. Спросил у Вадима Андреевича совета: сможет ли он осуществить задуманное? достоин ли этого? хватит ли у него силёнок, знаний, ума? Или же это всё его фантазии и блажь ребяческая? всё пустое?

– Конечно достоин, конечно! – с жаром ответил директор, светлея лицом и душой. – Езжай Максим, коли так для себя решил, езжай и не сомневайся, и о плохом не думай! – выбрось такую пагубную привычку! Твоих мозгов и знаний хватит на десятерых, поверь, а возможности у любого человека запредельные, почти что космические! Прожив долгую и достаточно трудную жизнь, я это хорошо понял. Главное, верить в себя, безгранично и твёрдо верить, что нужен тебе МГУ и важен, что ты по-настоящему хочешь творить и двигать вперёд науку! Что ты – Творец, одним словом, Вершитель жизни и истории, а не дерьмо, не попка, не пыль придорожная! А МГУ и создан был Великим Сталиным для таких – для Творцов и Великанов Духа, для Созидателей!... И тогда, при такой-то вере и при таком настрое великом и всесокрушающем, любые двери перед тобой откроются, подчёркиваю – любые! И все твои недоброжелатели струсят и разбегутся прочь! Потому что тогда Сам Господь-Вседержитель поможет тебе на облюбованную вершину забраться. А **Он, как известно, не знает преград и поругаем ни кем и никогда не бывает...**

– Именно так, Максим, и устроена наша жизнь – просто и сложно одновременно. И двери в большую науку, как и в политику, литературу и искусство, лишь перед фанатами открываются, перед безумцами-трудоголиками. Запомни это как дважды два, как великие строки Пушкина или Лермонтова того же. Как и то ещё, что дорогу осилит только идущий, духом крепкий и бодрый, отчаянно-смелый, волевой, боевой... А будешь сидеть и скулить, и жевать сопли по-бабьи, безвольно вертеть по сторонам головой и в себе и своих возможностях и способностях сомневаться – с места не сдвинешься и ничего не добьёшься в итоге, профукаешь жизнь. Превратишься в слабака-неудачника, в тряпку, в изгоя – и начнёшь водку с горя пить, заполнять собой психушки и медвытрезвители... Не надо этого делать, Максим, не надо, прошу тебя. Вниз скатиться легко – подняться трудно, если вообще возможно... Так что вперёд, дружище, только вперёд! – к вершинам Мирового Знания и Духа! И с песнями, главное, с приподнятым настроением и головой! – как мы в последнюю войну воевали, из-за чего и выиграли ту войну, смертельного врага в пух и прах разбили! Ведь смелого даже и пуля-дура боится, знай, и штык-молодец не берёт!!!...

Вдохновенная проповедь старого учителя не пропала даром – убедила и окрылила ученика по максимуму, твёрдо настроила ехать и поступать в Московский Университет, и ничего в столице нашей Родины не бояться. Получив аттестат на руки, Максим и поехал – и поступил, стал студентом истфака; хотя конкурс на факультет при нём совсем не маленьким был – четыре с половиной человека на место! Много было и холёных и чопорных москвичей, которые, соответственно, пролетели...

3

Поступив на исторический факультет, Максим два первые года учёбы старательно, порой фанатично даже, здоровью в ущерб, закладывал общеобразовательный фундамент будущей своей профессии историка: регулярно лекции посещал, семинары, спецкурсы, а вечером из читалок не вылезал, занятия в которых прерывали лишь занятия спортом. Учился хорошо, на четыре и пять; всегда получал стипендию. А летом в стройотряд постоянно ездил, откуда тоже деньги хорошие привозил – помогал этим отцу и матери.

Но на третьем курсе у него начались проблемы с учёбой, замешанные на сомнениях в правильности выбора жизненного пути, и он к Истории, как к предмету, как к одной из ветвей гуманитарного Знания, день ото дня холодел, пока не остыл совсем. Потому что ближе к 5-му курсу понял, что ошибся с будущей профессией, сильно ошибся. И надо будет её менять. А на что – непонятно...

4

Виною тому было несколько причин. И первая, главная из них – товарищи по общаге, по комнате в частности, хохлы по национальности, которые попались ленивые и без-путные на удивление, тупые и абсолютно бездарные как и все малороссы, истинные сибариты-корыт-ники, плохо на Кремнёва действовавшие с первого дня своей природной никчёмностью, раз-гильдяйством и пофигизмом. Им, как выяснилось довольно быстро, был нужен лишь престиж-ный университетский диплом для будущей комфортной жизни на Украине, но не сами знания и профессия, к которой они ни тяги, ни почтения не испытывали. Так и учились пять лет кое-как – отстранённо и наплевательски.

Но самое большое влияние на его пессимистическое настроение на старших курсах ока-зал всё-таки Елисей Сашка – крепыш и красавец из Горького (Нижний Новгород ныне), пре-красный товарищ, отменный спортсмен, который, будучи чистокровным славянином-русичем, был единственным исключением из только что названной категории студентов-олухов и раз-долбаев. Он-то как раз раздолбаем не был, скорее даже наоборот; был на год старше Максима и целый год до этого проучился на философском факультете Горьковского университета, куда без труда поступил. Поступил туда именно потому, по его словам, что захотел стать самым умным человеком на свете, философом – понимай, умнее и мудрее которых, грамотнее и эру-дированнее нет никого в природе. Так он в школе всегда считал, потому и факультет выбрал соответствующий.

Но проучившись в родном Университете год, полностью разочаровался в своих детских грёзах, посмотрев на философию и философов изнутри – с изнанки то есть, а не снаружи. Убедился на горе себе, что все они, советские философы-“мудрецы”, “чмошники настоящие и шарлатаны” – точные его слова, – деятели, или псевдоучёные так называемые, кто всю жизнь переливают из пустого в порожнее без зазрения совести и воду в ступе толкут. Вот и все их достоинства и отличия! До смерти талдычат про мифического Сократа, Платона и Аристотеля по шаблону, сыплют заученными цитатами из них, что кочуют из книжки в книжку, – и в ус не дуют; и более не знают ничего и не хотят знать. Зачем? – коли им денежки и так платят... «Хорошая для бездарей и м...даков кормушка, не правда ли, пацаны, для дипломированных и остепенённых бездельников – чужие мысли цитировать изо дня в день, как за красочную ширму за них прятаться, скрывать своё патологическое ничтожество и паразитизм?!» – это опять прямое его выражение, которое Кремнёв потом долго помнил.

А Сашка был не из тех, не из породы нахлебников и паразитов, и не хотел воду в ступе всю жизнь толочь, учёного клоуна из себя строить и узаконенного дармоеда. Он был правильным парнем, совестливым, был молодцом; и мечтал прожить отпущенный Богом срок с пользой для себя и для государства...

5

Поэтому-то он, разочаровавшийся в философии и философах полностью и окончательно, и не стал сдавать весеннюю, вторую по счёту сессию, забрал документы из деканата, послал к чертям родной Горький и отчий дом, приехал и поступил в Московский Университет, гремевший в советские годы. Но уже на исторический факультет поступил – чтобы понять для себя, что же это такое, Большая История, и годится ли она для него в качестве призвания.

Но и на истфаке он разочаровался в итоге, хотя и понадобилось ему для этого на год больше по времени, чем это случилось дома. И здесь ему категорически не нравились люди – и студенты и преподаватели, все! – которых он *додиками* считал, которых до глубины души презирал, “оторванных от жизни и от земли чистоплюев”, и практически не общался. А главное, он перспективы для себя не увидел в будущем – потому что понял, что в большую науку без связей и блата ему не попасть. Да и есть ли она в природе – большая и серьёзная наука? Не миф ли это? не обман людей? не дьявольская ли пропаганда? или же очередное псевдонаучное надувание щёк и переливание из пустого в порожнее в угоду кому-то, но только уже на исторической, а не на философской почве?... На эти краеугольные для себя вопросы он ответа за два студенческих года не получил – и расстроился сильно, затосковал. Потому что преподавать историю в школе после истфака или заживо гнить в архивах или музеях страны вместе с жирными и тупыми бабами, сиречь превращаться в никчёмного обывателя, он не был готов и под страхом смерти – этому всё его буйное естество противилось!!!...

6

Весной второго курса он, всё для себя опять тщательно взвесив и хорошо обдумав, перестал ходить на занятия, готовиться к четвёртой сессии, как все. А в мае он пришёл в деканат твёрдой поступью и забрал документы. И опять был отчислен – уже с истфака. После чего он сухо простился с товарищами по комнате, собрал вещи быстро и поехал на электричке в родную Максиму Кремнёву Рязань, где без труда поступил в воздушно-десантное училище, чтобы стать в будущем офицером-десантником.

Товарищи по комнате, и Максим в их числе, всю весну уговаривали его не делать этого, а попробовать куда-нибудь ещё поступить – в технический вуз Москвы, допустим, или медицинский тот же. Армия, убеждали хором, она Армия и есть. Там все по Уставу живут, по команде начальников; процветает пьянство и грубость нравов, без-культурие, рукоприкладство и блуд с чужими жёнами от избытка сил... Но Сашка был непреклонен, говорил, что ни инженером и ни врачом он становиться не намерен. Потому что отлично знает, что это такое – посмотрелся, мол, на родителей своих, и их ошибки повторять не хочет.

Он рассказывал весенними вечерами, пока ещё не уволился, пока в комнате жил, про своего отца, инженера-конструктора из горьковского оборонного НИИ: как сидит его батюшка вот уже 20 лет за одним и тем же столом – да с бабами вместе, штаны протирает; целыми днями гоняет чай от скуки, сушки жуёт и жуёт, толстеет и вырождается от них и сидячей работы, качества мужские теряет, достоинство, волю и силу. А с ними вместе – и жизни смысл, в себя самого веру. Дома ноет и жалуется постоянно, что, мол, не ценят его, не любят, не продвигают по службе; что люди в отделе говно, как и сама профессия инженера, которую он себе совсем не так представлял, когда в институте учился. «Короче, всю жизнь общается с бабами мой папаня, бабью работу делает, – зло резюмировал Сашка тот свой рассказ, – и сам при этом как баба стал, что и смотреть на него со стороны тошно. Я, пацаны, таким вырожденцем и нытиком быть не хочу, таким слизняком толстожопым. Уж лучше сразу повеситься или застрелиться...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.